

КОНКУРЕНЦИЯ ЖЕРТВ В ОБЩЕСТВЕ ТРУСОВ

Ирина Дуденкова

Ирина Дуденкова — кандидат философских наук, ассистент факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, блогер

Тема страха, такая плодотворная и традиционная для политической философии, давно и прочно отдана на откуп политической психологии, а местами даже социобиологии и биополитике, но напрасно. Стоя как-то недавно на политологическом факультете МГУ перед стендом с программой конференции по политической психологии, думалось: **какой все-таки грандиозной мистификацией может считаться идея о массовых психологических состояниях.** Как удобно считать, что защитные биологические поведенческие стереотипы самосохранения никогда не дают сбоев. Какая же странная наука — социальная психология, исходящая из предпосылки всеобщей народной души и опирающаяся на случайный социальный опыт!

Между тем хотелось бы напомнить, что есть еще одно аффективное измерение политики, кроме причитаний публики в блогах о том, «как страшно

жить», и привычной властной риторики, ставящей в обратную пропорциональную зависимость безопасность и свободу (как будто одна может обмениваться на другую в каком-то измышленном балансе, как будто целью социального сосуществования уже единогласно признано минимальное выживание).

Это аффективное измерение политического действия традиционно, со времен Платона и Аристотеля, связывается с **горизонтом должного, где страх противопоставляется мужеству как основной политической добродетели.** Здесь страх отнюдь не является нормой и условием социального суждения, а состоянием, требующим работы преодоления и преобразования. Политическое решение складывается из мужества как импульсивного волевого движения принятия в сочетании со справедливостью как рассудительной и обстоятельной его частью. То есть страх, паника, тревога, неуверенность — все эти аффекты являются частью структуры объемного философского аргумента, утверждающего бессмертие души, но, как замечательно точно заметил когда-то Скиннер, работают они только в том случае, если сильным и мощным оказывается гравитационное поле публичности, в котором самым страшным исходом может быть публичный позор и лишение чести.

Посмотрим теперь, есть ли в нашей современной и не только российской ситуации какие-то причины избегать (самого страшного для условного «классического» политического деятеля) публичного позора и отстаивать свою честь? Однажды знакомый политтехнолог, имеющий непосредственное отношение к российской политической кухне, объяснил мне популярно, что значение имеет только публичный резонанс. Символический капитал складывается не из при-

знания или достоинства, а из простого накопления ссылок безотносительно к контексту, в котором упоминается та или иная фигура. То есть политическое и **публичное пространство у нас устроено по типу светского, политические новости сближаются по своему функционированию со светской хроникой.** И такая трансформация политического и публичного пространства еще ждет своего исследователя.

А как же быть с другим знаменитым политическим аргументом, в котором страх смерти и желание самосохранения играли такую значительную роль? Как быть с этим оправданием страха как продуктивного регулятора социальных отношений? Не будем забывать, что страх у Гоббса не является аффектом, это желание самосохранения рационального, оно разумно и вполне универсально, оно является спутником первичной решимости «быть волком» и отстаивать индивидуальные интересы. Это удивительно, но факт, что нет ничего более отдаляющего нас от социальной вселенной Гоббса, чем нынешний парад жертв. Критическая теория сделала человека таким болезненно уязвимым и нарциссически сосредоточенным, что каждый почитает себя за «жертву кровавого режима» или репрессивного государства. **Мы видим в современном российском политическом поле настоящую конкуренцию жертв.** Например, в противостоянии Церкви и музейного сообщества, академического сообщества и пула политических экспертов. Они свидетельствуют о конце политической эры, где было возможно решение во имя политической добродетели мужества или исходя из храброго волчьего эгоистического интереса. Наше политическое сообщество должно быть признано за сообщество политических трусов. ■

Специально для РЖ